

Ю.Ф. ТЕТЕРИНА

К вопросу о смерти как лингвокультурном концепте

О смерти в качестве одного из самых знаменательных событий жизни существует большое количество как отечественной, так и зарубежной научной литературы. Общеизвестно, что это явление представляет значительный интерес для целого ряда естественных, гуманитарных, общественных наук: философии, антропологии, естествознания, медицины, социологии, психологии, культурологии, теологии, лингвистики и др. Однако многие вопросы, связанные со смертью во всем ее многообразии, являются предметом изучения особой отрасли знаний – танатологии (от греч. Thanatos – смерть).

Для того, чтобы составить представление об этом феномене, прежде всего, необходимо обратиться к имеющимся определениям смерти. В большинстве словарей и энциклопедий **под смертью понимается необратимое, неизбежное и естественное прекращение жизнедеятельности организма и вследствие этого – гибель индивидуума как обособленной живой системы, сопровождающаяся образованием трупа и разложением биополимеров.** Однако столь простое на первый взгляд определение не отражает всей многогранности этого явления, так как для человека, в отличие от других живых существ наделенного сознанием и поэтому осознающего свою смертность, смерть выступает не только в качестве природного феномена, но и как явление социально и нравственно значимое, включенное в сложный контекст общественных отношений [13. С. 516].

Проанализировав имеющуюся литературу по данной теме (см. библиографию в конце статьи), мы представляем возможным выделить несколько основных факторов, стимулирующих развитие танатологии как релевантной общественной дисциплины, другими словами, смерть изучают во многом по следующим причинам.

Желание постичь и научно обосновать природу непостижимого явления. Трудно не согласиться с мнением профессора К. Харта Ниббрига по данному вопросу: «Мы говорим о смерти иначе, чем знаем о ней, как будто мы знаем больше, чем ничего» [3. С. 20]. Ссылаясь на Э. Жабэ, автора знаменитого трактата «Книга вопросов», К. Харт Ниббриг продолжает данную мысль: «Говорить о смерти – наивысшее, сверхчеловеческое достижение психоаналитического переноса. Мы переводим смерть в метафоры, не зная ее, будучи на коротке с ней разве что в том случае, когда она служит нам опорой в вымышленном мире. Мыслят не смерть, не пустоту, не небытийное, не ничто; мыслят его неисчислимы метафоры – как способ очертить непомысленное» [3. С. 21]. Тесно связано с обозначенным и следующее направление.

Желание получить «психологическую защиту» от смерти, преодолеть естественный страх перед неизвестностью. Психологи утверждают, что

для человека в любом возрасте, особенно в детстве, чрезвычайно важны фантазии, относящиеся к смерти, поскольку они являются по природе защитными для психики. В мифах и фольклоре прослеживается мотив: чтобы родиться заново, нужно умереть. Не только ребенок, но и взрослый бессознательно полагает, что, пережив смерть, столкнувшись с нею, он обретет защиту от нее. В целях приобретения такого рода «опыта» человек обращается, например, к фильмам ужасов, готическим романам, быличкам про колдунов и ведьм, «страшилкам», криминальной хронике и т.п. [2. С. 52-53] Кроме того, любая из мировых религий основывается на постулате о вечной жизни, отражая общее концептуальное представление людей о своем существовании. Различные светские и религиозные ритуалы прощания с умершими также призваны облегчить нравственные страдания близких и подтвердить обретение покойными новой жизни в лучшем загробном мире.

Желание отдалить момент смерти и продлевать жизнь насколько возможно. Доказательством тому является извечное стремление человека к сохранению здоровья и молодости, достигшее апогея в современном мире. Операции по омоложению перестали быть редкостью, предпринимаются многочисленные попытки получить лекарства и вакцины от неизлечимых пока недугов, ученым-генетикам практически удалось расшифровать генетический код человека, выявить и предотвратить множество генетически обусловленных синдромов и заболеваний и т.д. Очевидно, что в попытках сохранять и преумножать здоровье и молодость человек воплощает следующее стремление:

Желание когда-нибудь «победить» смерть, иметь возможность управлять ею. Мотив вечной жизни прослеживался в мифах и фольклоре всегда в виде особого дара, прерогативы высших существ: богов, магов. В мировых религиях также существует постулат о скоротечности земной жизни и обретении вечной жизни, «качество» которой предопределяется соблюдением морально-нравственных «божественных» прескрипций в посястороннем мире. Бессмертие человеческой души и ее вечное пребывание в раю, очищенном от зла и скверны, – также является редким даром, заслужить который и есть основная задача всех верующих. По религиозным представлениям – это и есть победа над смертью. В XX – XI веке мечты человечества о физической «победе» над смертью начали обретать реальность. Все больше возрастает интерес к вопросу клонирования человека как возможности продолжить себя в идентичном существе. Создаются экспериментальные центры криогенной медицины, клиенты которых желают подвергнуться «криогенной заморозке» и быть восстановленными по прошествии многих лет, когда ученые найдут способы лечить смертельные заболевания. По мнению Г. Чхартишвил и: «Когда человек достигнет всего, о чем он сегодня мечтает, и поборет все, с чем борется, станет окончательно ясно, что на самом деле мечтал он о полном контроле над собственной жизнью, а боролся не столько со Злом, сколько с непредсказуемостью внешних условий бытия, иначе именуемой Случаем, Роком или Богом» [4. С. 40].

Желание понять природу и, по возможности, предотвратить случаи патологической смерти определенного характера (самоубийство, эвтаназия, убийство), решить связанные с этим этические трудности. Таковой является, например, проблема эвтаназии (от греч. *Eu* – хороший, *thanatos* – смерть), то есть добровольного ухода из жизни неизлечимо больных людей с помощью специальных медицинских средств. Доктор Джек Кеворкян, который в 90-е годы помог избавиться от страданий нескольким десяткам больных, заслужил прозвище “Doctor Death”. С каждым годом у него все больше последователей. Парламент Нидерландов в 1993 году освободил от судебного преследования врачей, которые совершили эвтаназию в строгом соответствии с официальной инструкцией. По сути дела этот акт узаконил «медицид», и знаменитые своей толерантностью Нидерланды стали первой страной, где эвтаназия применяется широко и неконспиративно [4. С. 46].

Несмотря на постоянный интерес ученых к явлению смерти в самых разных аспектах, остается еще много проблем, требующих дальнейшего рассмотрения. На наш взгляд, отношение человечества к смерти как к одному из концептуальных моментов бытия также может стать ключом к пониманию разницы культурных мировоззрений различных этносов.

Концепт смерти абсолютно во всех существующих культурах представляется одним из основных в концептосфере и национальном сознании их носителей. Данное утверждение прямо подтверждается фактом включения этого понятия в список универсальных человеческих понятий, которые были установлены на базе межъязыковых исследований и которые могут выполнять функцию самоочевидных элементарных концептов [1. С. 227]. В этой связи смерть как важнейший элемент культуры многократно повторена и проинтерпретирована в мировой живописи, музыке, скульптуре, литературе в попытке воспроизвести «невероятный фокус умирания».

Вместе с тем, своеобразие любой национальной культуры дает основания полагать, что в любой из них существуют свои представления, специфическая атрибутика, обряды, верования, связанные с этим явлением и обусловленные уникальностью каждого этноса. Другими словами, все перечисленное необходимо обладает национально-специфическими признаками. В этом смысле английская и русская культуры не стали исключением, впрочем, данное предположение нуждается в тщательной проверке.

Подводя итог всему вышесказанному, предполагаем, что смерть может стать предметом нового психо-, социо-, и этнолингвистического исследования, связанного с анализом вербализации данного концепта в английской и русской речевых культурах как средства и способа фиксации национально-культурного мировоззрения.

Библиографический список

1. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / Пер. с англ. А.Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001. 272 с. (Язык. Семиотика. Культура. Малая серия).
2. Лебедева Н.Н. К вопросу об онтологии черного юмора/ Образ другого: Сборник научных трудов. Этнолингвистическая интерпретация национально-специфических различий. Ярославль: ЯГПУ, 1999. С. 52-58
3. Харт Ниббриг Кристиаан Л. Эстетика смерти/ Пер. с нем. А. Белобратова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2005. 424 с., ил.
4. Чхартишвили Г. Писатель и самоубийство. Изд. 3-е. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 576 с., ил.

Словари и энциклопедии

5. Большой толковый социологический словарь. Т. 2: пер. с англ. М.: Вече, АСТ, 1999. 528 с.
6. Большая медицинская энциклопедия в 30-ти томах / Гл. ред. Б.В. Петровский. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия. Т. 23, 1984. 544 с. с ил.
7. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб.: Издательское дело, 1900.
8. БСЭ. Т. 23. 3-е изд / Гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1976. 640 с. с ил.
9. Всемирная энциклопедия: Философия / Под ред. А.А. Грицанова. М.: Харвест, Современный литератор, 2001. 1312 с.
10. Краткий энциклопедический словарь. М.: АСТ, 2001. 1056 с.
11. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Оникс 21 век, Мир и образование, 2004. 895 с.
12. Современный философский словарь/Под ред. В.Е. Кемерова. 3-е изд. М.: Академический проект, 2004. 864с.
13. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд. М.: Республика, 2001. 19 с.